

Влияние синтаксических средств репрезентации времени и пространства на образ персонажа в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть»

Кулакова В.А.

Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация
e-mail: kbera96@gmail.com

Образ персонажа в литературном тексте реализуется набором различных средств, и не только описание физических качеств может наделять действующие лица характеристиками. Пространственные и временные показатели определяют, как «существует» персонаж в вымышленном мире, и накладывают на него отпечаток создаваемого автором повествования, эпохи и смены событий. На примере персонажа (совести) из сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина показывается, как синтаксические конструкции формируют пространство, время и облик персонажа.

Ключевые слова: время, образ персонажа, пространство, синтаксис, синтаксические средства.

Для цитаты: Кулакова В.А. Влияние синтаксических средств репрезентации времени и пространства на образ персонажа в сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть» [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 75–81. DOI: [10.17759/langt.2024110207](https://doi.org/10.17759/langt.2024110207)

The Influence of Syntactic Means of Representing Time and Space on the Image of a Character in M.E. Saltykov-Shchedrin's Fairy Tale "The Lost Conscience"

Veronika A. Kulakova

State University of Enlightenment, Moscow, Russia,
e-mail: kbera96@gmail.com

The image of a character in a literary text is realized by a set of various means, and not only the description of physical qualities fills the characters up with characteristics. Spatial and temporal indicators determine how a character "exists" in a fictional world, and leave the imprint of the narrative created by the author (epoch and change of events) on him. Using the example of a character (conscience) from M.E. Saltykov-Shchedrin's fairy tale it is shown how syntactic constructions shape space, time and the appearance around the character.

Keywords: time, character image, space, syntax, syntactic means.

For citation: Kulakova V.A. The Influence of Syntactic Means of Representing Time and Space on the Image of a Character in M.E. Saltykov-Shchedrin's Fairy Tale "The Lost Conscience". *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 75–81. DOI: 10.17759/langt.20241100207 (In Russ.).

Введение

Восприятие и познание мира является уникальным и неповторимым опытом для каждого человека — оно не может быть шаблонным в силу своей природы. Все объекты действительности, в том числе художественное произведение, понимаются человеком по-своему.

Образы в тексте и их восприятие

Литературный текст может быть рассмотрен с двух точек зрения: ученого-исследователя и читателя. Ю.Н. Караулов, изучая языковую личность, отметил, что *«критик, литературовед, исследователь языка в своем подходе к анализу литературного произведения как бы ставит себя на место автора, и поэтому решающей категорией такого анализа становится образ автора, отчуждаемый от структуры данного литературного произведения»*, но *«в иной позиции стоит читатель, который в процессе движения по тексту ставит себя в один ряд с персонажами, совершает подстановки на место разных героев, поскольку сокровенная тайна воздействия художественных образов на читателя как раз и состоит в восприятии их как лиц вполне реальных, как лиц, взятых прямо из жизни»* [5, с. 32]. Значит, разница в перцепции текста проявляется в позиции, которую занимает человек, работающий с текстом: *«образ автора — категория чисто исследовательская, тогда как художественный образ — категория читательская, хотя для последнего эта категория функционирует лишь на уровне знания, а ее осознание как категории остается привилегией исследователя»* [5, с. 32]. Образ автора и образ персонажа выступают как отдельные, не связанные элементы анализа. Подобного мнения придерживался М.М. Бахтин: *«персонажи говорят как участники изображенной жизни, говорят, так сказать, с частных позиций, их точки зрения так или иначе ограничены (они знают меньше автора). Автор вне изображенного (и в известном смысле созданного им) мира. Он осмысливает весь этот мир с более высоких и качественно иных позиций. Наконец, все персонажи и их речи являются объектами авторского отношения (и авторской речи). Но плоскости речей персонажей и авторской речи могут пересекаться, то есть между ними возможны диалогические отношения»* [2]. Следовательно, особенностью изучения образа персонажа всегда является то, что над ним возвышается категория автора. Эти категории не являются тождественными.

Категория пространства

Автор помещает свои образы в создаваемое им пространство. М.М. Бахтин пояснил: *«между изображающим реальным миром и миром изображенным в произведении проходит резкая и принципиальная граница. Об этом никогда нельзя забывать, нельзя смешивать, как это делалось и до сих пор еще иногда делается, изображенный мир с изображающим миром (наивный реализм), автора — творца произведения с автором-человеком (наивный биографизм), воссоздающего и обновляющего слушателя-читателя разных (и многих) эпох с пассивным слушателем-читателем своей современности (догматизм понимания и оценки). Все подобного рода смешения методологически совершенно недопустимы. Но совершенно*

недопустимо понимание этой принципиальной границы как абсолютной и непреходимой (упрощенческое догматическое спецификаторство)» [3, с. 402]. Художественный мир и мир реальный не являются тождественными, но в них происходят подобные процессы. Л. Эйлер установил, что «понятие пространства мы можем воспринять лишь с помощью абстракции: для этого мы должны мысленно удалить свое тело, и уже то, что, по нашему представлению, после этого остается, мы называем пространством» [10, с. 266]. Однако если убрать образ персонажа из текста, останется ли пространство? Для реального мира «Эйлер признавал и относительное пространство, т. е. пространство, связанное с телами, и абсолютное пространство» [4, с. 18]. Эта теория проявляется в следующем.

Определение. «Место есть часть неизмеримого или бесконечного пространства, в котором находится весь мир. Принятое в этом смысле место обычно называют абсолютным, чтобы отличить его от места относительного» [10, с. 41].

Следствие 1. «...если тело последовательно занимает одну за другой части этого неизмеримого пространства, то оно движется; наоборот, если оно постоянно пребывает в одном и том же месте, тогда оно находится в покое» [10, с. 41].

Следствие 2. «...обыкновенно представляют себе определенные границы этого пространства, к которым и относят тела. Это отношение и есть то, что называется положением. О тех телах, которые сохраняют то же самое положение относительно этих границ, говорят, что они находятся в покое. Наоборот, о тех телах, которые меняют свое положение, говорят, что они движутся» [10, с. 41].

Таким образом, если объект меняет положение в пространстве, он движется, следовательно, совершает действие во времени. Перемещения для персонажа в литературном произведении, вероятно, необходимы именно потому, что без них не создается окружающего пространства, которое может отображать не только его «физическое» местонахождение, но и ментальное состояние.

Пространственные путешествия совести

После небольшого физико-математического отступления будет предложено рассмотреть, как проявлялось подобное движение у персонажа в тексте художественного произведения — сказке «Пропала совесть» М.Е. Салтыкова-Щедрина — и как оно повлияло на создание образа персонажа.

Временная парадигма. С утратой совести люди стали раскованы в своих действиях, в связи с чем «и настоящее, и будущее — все, казалось, так и отдавалось им в руки, — им, счастливым, не заметившим о пропаже совести». Совесть существовала, «еще вчера ... мелькала перед глазами», а затем исчезла. Люди «наконец, освободились от последнего ига». Временная парадигма произведения обозначена наречием времени *вчера* и вводным компонентом *наконец*, восходящим к темпоральному наречию. В своем общем значении они «репрезентируют различные темпоральные отношения к моменту речи с точки зрения говорящего» [9, с. 26]. Узкие значения могут быть следующими:

- *вчера* — «в день, предшествовавший текущему дню; накануне»; «то, что было до настоящего дня, до настоящего времени; события вчерашнего дня или недавнего прошлого» [8, т. 2, ст. 932];

- *наконец* — «в конце всего, после всего, напоследок» [8, т. 2, ст. 276] (может пониматься как вводное слово: «означает, что мера терпения, ожидания и т. п. переполнена» [8, т. 7, ст. 276]).

Частица *еще* употреблена «для придания выразительности и оттенка неудовольствия по поводу соответствующего вопроса или заявления», а также для «указания на то, что сказанное является уточнением, добавлением деталей» [6, с. 118].

Таким образом, в произведении четко противопоставляется время *до* и *после* потери совести, которую заметил «говорящий» — автор. Он отобразил в своем тексте этот переломный момент, который повлечет дальнейшее «движение» совести в пространстве произведения.

Преобразования, которые провоцирует обретение совести, однотипны. Так, первый владелец «*вдруг* он почувствовал» (ср.: глагол совершенного вида + *вдруг* = «одноактные, совершенные в один прием действия и действия результативные» [9, с. 26]), «*постепенно* возвращается то горькое сознание действительности», «*сначала* он почувствовал только страх ... *потом* всполошилась память, заговорило воображение», «*затем*, сам собой, проснулся суд» [7]. Подобные преобразования будут происходить с каждым владельцем. Для них протяженность во времени не существенна, однако важен результат — *что-то произошло, теперь* все будет иначе. Употребление глаголов совершенного вида создает ситуацию неизбежно совершившегося действия. Для образа совести средства реализуют такую характеристику, как обязательное влечение за собой резких «пагубных» изменений.

Пространственная парадигма. У совести после утраты было несколько владельцев. Сначала «бедная совесть лежала между тем *на дороге*», «*в благоустроенном городе, и на самом бойком месте*».

Владелец 1. Несчастный пропоец. «прячет находку *в карман* и удаляется с нею», «приближается он *к питейному дому*» [7].

Владелец 2. Прохорыч. «ужасная находка уже лежит у него *в руке*»; Арина Ивановна, жена, «выкрала у спящего мужа совесть и стремглав бросилась с нею *на улицу*» [7].

Владелец 3. Ловец. «сунула потихоньку совесть *в карман его пальто*», «совесть осталась, вместе с пальто, на стенке», ловчиха «сунула совесть *в штемпельный конверт*» [7].

Владелец 4. Самуил Давыдыч «распечатал присланный по почте конверт, вынул из него щипчиками посылку [совесть], переложил ее *в другой конверт*»; «шталась бедная, изгнанная совесть *по белому свету*» [7].

Последний владелец нашел «маленькое русское дитя, растворил его сердце чистое и схоронил *в нем совесть*» [7].

Таким образом, совесть посредством синтаксических конструкций передвигается по следующей цепи: *улица — карман — питейный дом — улица — карман — штемпельный конверт — другой конверт — чистое сердце ребенка*. Цепочка имеет несколько одинаковых звеньев, что доказывает ненужность совести для людей. Толкования для мест нахождения совести следующие:

- *улица* — ‘1. пространство между двумя параллельными рядами домов ...’, ‘2. место, пространство вне дома, за пределами жилого помещения (обычно под открытым небом)’ [8, т. 16, ст. 542-543];

- карман — ‘1. пришитый к одежде мешочек ... для мелких вещей и денег’, ‘2. *перен.* о материальном благосостоянии, богатстве, деньгах’, ‘3. особое отделение в портфеле, чемодане...’; ‘4. *спец.* об углублениях различного рода (пример: карман толстой кишки) [8, т. 5, ст. 821-822];
- питейное ‘устар. связанный с торговлей спиртными напитками [8, т. 9, ст. 1257]’ заведение ‘устар. торговое предприятие, трактир и т. п.’ [8, т. 4, ст. 278];
- конверт — ‘бумажный пакет, сложенный с четырех сторон углами, в который вкладывают письмо’ [8, т. 5, ст. 1275];
- сердце — ‘1. центральный орган кровообращения в виде мускульного мешка’, ‘2. *перен.* Этот орган как символ средоточия чувств, настроений, переживаний человека’ [8, т. 13, ст. 680-681].

Исходя из этого, можно сделать следующие заключения: 1) изначально брошенной на дороге на улице «бедной» совести было плохо, ей необходимо замкнутое пространство, и именно в нем она может функционировать; 2) она крошечная, ей достаточно небольших вместилец; 3) ей необходимо взаимодействие: в кармане повешенного на крючок пальто она не влияет на человека. Помещенная в сердце маленького ребенка совесть получает благоприятные для нее условия, т. к. именно здесь, согласно автору, она «станет не робкая», и впоследствии «исчезнут тогда все неправды, коварства и насилия» [7].

Заключение

Образ персонажа создается совокупностью средств, к которым относятся временные и пространственные показатели. Целостность литературного героя, его характеристики и влияние на окружение создаются с помощью движения в литературном пространстве — перемещения, направляемого автором. М.М. Бахтин заметил, что «*позиция автора-художника и его художественное задание может быть и должно быть понято в мире в связи со всеми ценностями познания и этического поступка*», «движение» которого необходимо постичь [1, с. 32–33]. Следовательно, «поступки» — действия — так или иначе формулируют позицию автора, являются частью средств, способствующих ее проявлению, и именно *движение поступка* мотивирует писателя формировать пространство и время своего произведения.

Литература

1. Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 6-71.
2. Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/probltext.html> (дата обращения: 29.01.2024).
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
4. Егоршин В. Предисловие редактора // Эйлер Л. Основы динамики точки / пер. В.С. Гофмана, С.П. Кондратьева. М., Л.: Главная редакция технико-теоретической литературы, 1938. С. 5-28.
5. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М.: ЛКИ, 2010. 264 с.

Кулакова В.А.
Влияние синтаксических средств репрезентации
времени и пространства на образ персонажа в сказке
М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть»
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 75–81.

Kulakova V.A.
The Influence of Syntactic Means of Representing Time
and Space on the Image of a Character in M.E. Saltykov-
Shchedrin's Fairy Tale "The Lost Conscience"
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 75–81.

6. *Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: ок. 1200 единиц / под ред. В.В. Морковкина. 2-е изд., испр. М.: Астрель: АСТ, 2003. 421 с.*
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Пропала совесть [Электронный ресурс] // Az.lib.ru. URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0370.shtml (дата обращения: 29.01.2024).
8. *Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1930-1965.*
9. Шаповалова Т.Е. Категория синтаксического времени в современном русском языке. М.: МПУ, 2000. 156 с.
10. Эйлер Л. Основы динамики точки / пер. В.С. Гофмана, С.П. Кондратьева. М., Л.: Главная редакция технико-теоретической литературы, 1938. 500 с.

References

1. Bakhtin M.M. Problema sodержaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [The problem of content, material and form in verbal artistic creativity]. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let = Questions of literature and aesthetics: studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 6-71 (In Russ.).
2. Bakhtin M.M. Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh. Opyt filosofskogo analiza [The problem of text in linguistics, philology and other humanities. Experience in philosophical analysis] [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://www.infolib.info/philol/bakhtin/probltext.html> (Accessed: 29.01.2024) (In Russ.).
3. Bakhtin M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of time and chronotope in the novel. Essays on historical poetics]. *Voprosy literatury i estetiki: issledovaniya raznykh let = Questions of literature and aesthetics: studies of different years*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1975, pp. 234-407 (In Russ.).
4. Egorshin V. Predislovie redaktora [Editor's Preface]. Euler L. *Osnovy dinamiki tochki = Mechanica sive motus scientia analytice exposita*. Translated V.S. Gofman, S.P. Kondrat'ev. Moscow, Leningrad: Glavnaya redaktsiya tekhniko-teoreticheskoi literatury, 1938, pp. 5-28 (In Russ.).
5. Karaulov Yu.N. Russkii yazyk i yazykovaya lichnost [Russian language and linguistic personality]. 7th edition. Moscow: LKI, 2010. 264 p. (In Russ.).
6. Ob"yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka: strukturnye slova: predlogi, soyuzy, chastitsy, mezhdometiya, vvodnye slova, mestoimeniya, chislitel'nye, svyazochnye glagoly: ok. 1200 edinit [Explanatory dictionary of the Russian language: structural words: prepositions, conjunctions, particles, interjections, introductory words, pronouns, numerals, copular verbs: approx. 1200 units]. V.V. Morkovkin (ed.). 2nd edition. Moscow: Astrel': AST, 2003. 421 p. (In Russ.).
7. Saltykov-Shchedrin M.E. Propala sovest' [The Lost Conscience] [Elektronnyi resurs]. Az.lib.ru. Available at: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0370.shtml (Accessed: 29.01.2024) (In Russ.).
8. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 volumes]. Moscow, Leningrad: Publ. Akademii nauk SSSR, 1930-1965 (In Russ.).
9. Shapovalova T.E. Kategoriya sintaksicheskogo vremeni v sovremennom russkom yazyke [Category of syntactic tense in modern Russian language]. Moscow: MPU, 2000. 156 p. (In Russ.).

Кулакова В.А.
Влияние синтаксических средств репрезентации
времени и пространства на образ персонажа в сказке
М.Е. Салтыкова-Щедрина «Пропала совесть»
Язык и текст. 2024. Том 11. № 2. С. 75–81.

Kulakova V.A.
The Influence of Syntactic Means of Representing Time
and Space on the Image of a Character in M.E. Saltykov-
Shchedrin's Fairy Tale "The Lost Conscience"
Language and Text. 2024. Vol. 11, no. 2, pp. 75–81.

10. Eiler L. *Osnovy dinamiki tochki = Mechanica sive motus scientia analytice exposita*. Translated V.S. Gofman, S.P. Kondrat'ev. Moscow, Leningrad: Glavnaya redaktsiya tekhniko-teoreticheskoi literatury, 1938. 500 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Кулакова Вероника Александровна, аспирант кафедры современного русского языка имени профессора П.А. Леканта, Государственный университет просвещения (ФГБОУ ВО ГУП), г. Москва, Российская Федерация, kbera96@gmail.com

Information about the author

Veronika A. Kulakova, PhD student, Department of Modern Russian Language named after Professor P.A. Lekant, State University of Enlightenment, Moscow, Russia, kbera96@gmail.com

Получена 01.06.2024
Принята в печать 15.06.2024

Received 01.06.2024
Accepted 15.06.2024